

Статья посвящена ранним рассказам Л.Н. Андреева, затрагивающим тему детства, и основным языковым средствам ее воплощения.

Ключевые слова: *антитеза; антонимы; контекстуальные антонимы; прием контраста.*

Творчество Л. Андреева стало предметом горячих споров современников с момента появления в печати первых рассказов писателя. Его дебютный пасхальный рассказ «Баргамот и Гараська» был восторженно принят читающей публикой и высоко оценен критиками. М. Горький, в частности, очень благожелательно отозвался о литературном опыте начинающего автора и ввел его в свой литературный круг. Однако путь Л. Андреева в литературе был совершенно обособленным, индивидуальным, что привело к быстрому разрыву с писателями-реалистами. Его интересовало в жизни и в литературе исключительно надбытийное, вечное, наполненное трагизмом несовершенства.

Л. Андрееву удалось в своем творчестве соединить реализм конца XIX — начала XX в., базирующийся на фундаментальных открытиях И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, с ранним русским модернизмом. Уже в первых рассказах писателя можно отметить такие черты, как предельная нагрузка на художественную деталь, отсутствие подробных описаний, особое значение ритма. Двойственность художественного мировидения проявляется у Л. Андреева не только в выборе литературного метода, но и в поведенческих реакциях в повседневной жизни. Об этом писал, например, М. Горький: «...на одной и той же неделе он мог петь миру — “Осанна!” и провозглашать ему — “Анафема!”» [Горький 1973: 324].

Современная жизнь была чужда Л. Андрееву, он сторонился ее и не любил (об этом свидетельствует и его отшельническая жизнь в Финляндии, и ранние рассказы, вошедшие в сборник его произведений, опубликованный в 1901 г.).

Действительность, изображенная Л. Андреевым, мрачна, темна и жестока, в ней

редки проявления милосердия и доброты. И даже если они по каким-то причинам все-таки рождаются в чьей-то душе, то почти всегда случайны и кратковременны. Видимо, поэтому финалы андреевских рассказов редко бывают счастливыми: Петьку возвращают в ненавистный ему дом парикмахера («Петька на даче»), восковой ангел плавится от тепла печи, и мальчик Сашка, проснувшись утром, испытает горькое разочарование от этой потери («Ангелочек»), Кусаку бросают одну на холодной даче, предав доверие несчастного животного («Кусака»), умирают Масленников, так и не узнав о своем чудесном выигрыше («Большой шлем»), и купец Кошеверов, спрятавшийся от жизни в больнице и проведший там свои последние дни («Жили-были»). И даже внешне вроде бы благополучные финалы рассказов «Баргамот и Гараська» или «Валя» отражают печальную ситуацию. Горький пьяница Гараська плачет оттого, что впервые за много лет его назвали по отчеству в доме Баргамота во время светлого праздника Пасхи, но праздник останется позади — и прежняя жизнь вернется, и прежние отношения к Гараське как к человеку пропащему и никчемному заставит не только окружающих, но и его самого забыть, что он Герасим Андреевич. А мальчик Валя, увиденный родной матерью из благополучного и заботливого дома его приемных родителей, обещающий любить свою больную, когда-то бросившую его мать, быстро повзрослеет, попав в холодный, бедный и недобрый реальный мир, лишивший его беззаботного детского счастья.

Почему так происходит? Видимо, счастье и покой не живут рядом с героями Л. Андреева. Они словно растворились, потерялись в темном мире равнодушия, напрасной суеты, злости, пьянства и грубости. Самое ужасное, что в таком мире вынуждены существовать и дети, с рождения обреченные на несчастья, страдания, унижения («Петька на даче», «Ангелочек») или временно получившие возможность поверить,

Старцева Наталия Михайловна, кандидат филол. наук, доцент Тульского гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого.

E-mail: nstarceva@bk.ru

что дети — счастливые люди, что вокруг них обитают забота и участие, а потом снова вернувшиеся, как из путешествия в сказку, в реальный мир, серый, тусклый и неприветливый («Валя»).

Пожалуй, наиболее типичный для андреевских ранних рассказов герой-ребенок — это десятилетний Петька («Петька на даче»). Он самый маленький из всех работающих в парикмахерской Осипа Абрамовича. Жизнь ребенка однообразна и неинтересна:

Петькины дни тянулись удивительно однообразно и похоже один на другой, как два родные брата.

И больше всего мальчику хотелось оказаться в каком-нибудь другом месте, причем совсем не важно, где именно. В другом — это не в надоевшей парикмахерской с ее треснутыми кривыми зеркалами. Петька, измученный скучной работой, был похож на маленького старичка. Он много спал — и никогда не высыпался. Он и не жил вовсе, потому что ему казалось, *что всё вокруг него не правда, а длинный неприятный сон*. Описание жизни мальчика в парикмахерской построено по принципу антитезы, проявляющейся на разных уровнях — лексическом, синтаксическом, композиционном.

Жизнь Петьки становится настоящей только в то непродолжительное время, когда мать увозит его на дачу к господам, у которых служит. Он впервые радостно смотрит на все окружающее, мир представляется ему удивительным — *ясным и широким*. Любимый Л. Андреевым прием контраста использован здесь для противопоставления замкнутого и бедного пространства парикмахерской огромному и светлому миру природы. Родившийся и выросший в городе, Петька приходит в необычайный восторг уже в вагоне *чугунки*, потому что вместо привычных стен парикмахерской он видит, как небо *голубело в противоположном окне, и в нем плыли, как ангелочки, беленькие радостные облачка*. Так может видеть мир именно маленький мальчик, открывающий для себя его краски, простор и свободу. Апатичное настроение героя (*ему все время хотелось спать; Петька не знал, скучно ему или весело*) сменяется радостным возбуждением, что выражается употреблением слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами — *ангелочки, облачка, беленькие*. И даже несмотря на то что постройки по краю дороги брошены, что

домики серёнькие, они похожи на игрушечные и на высокой горе стоит *такая же игрушечная белая церковь*.

В описании природы появляются редкие для Л. Андреева яркие цветовые характеристики: небо *голубеет*, облака *беленькие*, равнина *темно-зеленая, зеленая высокая гора*. Многоцветие сменило серый тон предшествующих описаний.

Да и сам Петька выглядел теперь поинтереснее. В городе худой, сонный мальчик-старичок уже по дороге на дачу становится живым, внимательным и непоседливым ребенком, которому интересно происходящее вокруг.

Автор обыгрывает при описании Петьки одну интересную деталь. У мальчика были грязные-прегрязные руки, которыми он подавал воду клиентам. Парадоксально, что человек, приносящий постоянно воду, не использует ее сам. (Подобная тяга к оксюмору и парадоксу присуща уже ранним рассказам Л. Андреева, а в более позднем творчестве станет стилиобразующим приемом писателя.) В поезде, еще только на пути к вольной жизни, у мальчика хоть и плохо, но все-таки уже *отмытая ручонка*. Нейтрально-безоценочное слово *рука*, сменяется суффиксальным производным *ручонка*, которое выражает авторское отношение к ребенку, подчеркивает его детскость, незащищенность, хрупкость.

Именно в деревне Петька впервые ощущает, что все вокруг него было *живым, чувствующим и имеющим волю*. Мир, который видит теперь мальчик, его радует, волнует и манит:

Он боялся леса, который покойно шумел над его головой и был темный, задумчивый и такой страшный в своей бесконечности; полянки, светлые, зеленые, веселые, точно поющие своими яркими цветами, он любил и хотел бы приласкать их, как сестер, а темно-синее небо звало его к себе и смеялось, как мать.

За несколько дней настоящей, полной обычными сельскими детскими забавами жизни Петька *вступил в полное согласие с природой*, стал счастливым десятилетним мальчиком. Это подчеркивается следующей деталью: Петька снял на даче свою *подержанную гимназическую куртку, в которой он казался солидным мастером парикмахерского цеха*, и теперь он *изумительно помолодел*. Глагол *помолодел* выполняет функцию оксюмора, являясь характеристикой десятилетнего ребенка.

Юным стариком Петьку сделала однообразная, монотонная жизнь в парикмахерской, где дни равнялись неделям, а месяцы годам, убивавшим в ребенке все проявления детства, превращая его в апатичное полумертвое существо. Именно поэтому скорое возвращение к Осипу Абрамовичу стало для мальчика страшным потрясением, возвращением к медленному угасанию, к состоянию мертвой жизни без радости.

При описании обратного пути в город снова использована антитеза. Петька теперь *не смотрит* в окно, *не вертится*, *не задевает* руками пассажиров, сидящих неподалеку. От движения, интереса, чувств Петька возвращается к апатии, равнодушию, к существованию по инерции. Картина дополняется и знакомой уже деталью: *ручонки* мальчика благонаравно сложены на коленях. Это жест полной обреченности, покорности судьбе. А в парикмахерской снова будет подавать воду *маленькая грязная рука*. Андреев дважды противопоставляет однокоренные слова *рука* и *ручонка*, характеризующие разные стороны Петькиной жизни: однообразную, мертвую жизнь маленького *сонливого* мальчика-старичка (*морщинки, как у старого человека, ютились около глаз и под носом*) и яркую, наполненную динамикой настоящую жизнь десятилетнего ребенка.

После возвращения в парикмахерскую хорошее время наступает для Петьки только ночью, когда он рассказывает своему старшему товарищу Николке о даче. При этом мальчик говорит о том, *чего не бывает, чего никто не видел никогда и не слышал*. Такой двойной уход от реальной действительности — свидетельство безысходности судьбы Петьки и ему подобных. Законы взрослого мира не жалеют и не щадят детей, «вырывают» их из мира детства.

Та же идея звучит в рассказе «Валя». Маленький, вполне счастливый герой этого произведения живет в атмосфере любви и заботы, которой окружают его родители. Больше всего на свете он любит читать, а в силу возраста главным предметом его читательского интереса являются сказки. Такой вот сказочной мозаикой была и жизнь Вали, рассыпавшаяся в один момент от «прихода» в нее суровой правды реальности. Родители Вали оказываются чужими людьми, взявшими мальчика на воспитание, а чужая болезненная женщина — бросившей его когда-то родной матерью.

Вначале мальчик не очень понимает происходящее, не верит, будто добрая, любящая и заботливая Настасья Филипповна может оказаться для него посторонней «тетей». Ему совсем не нравится чужая женщина, вносящая в его стройно-гармоничный мир смутение и горе (Настасья Филипповна постоянно плачет из-за визитов объявившейся матери Вали и нависшей в связи с этим опасностью потери ребенка). Автор с первых строк противопоставляет двух женщин-матерей, показывая их несхожесть через призму сознания мальчика:

...ему совсем не нравилась эта незнакомая женщина, высокая, с костлявыми пальцами. <...> И пахло от нее очень дурно: какой-то сыростью и гнилью, тогда как от мамы всегда шел свежий запах духов.

И голоса у женщин абсолютно разные:

И снова что-то неестественное, фальшивое прозвучало в этом голосе, который старался быть мягким и круглым, как голос мамы, но оставался колючим и острым.

Здесь проявляется еще один характерный прием стиля Л. Андреева — сочетание рядов антонимов, среди которых присутствуют и общеязыковые, и контекстуальные. Их соединение усиливает контрастные семы последних.

Валя изначально настроен против родной матери, ему все в ней не нравится: голос, внешний вид, то, как она плачет, как смеется (*...этот смех не понравился Вале: видно было, что женщина совсем не хочет смеяться и делает это так, нарочно, чтобы обмануть*). Родная мать кажется мальчику насквозь фальшивой. Этот эпитет и однокоренное слово *фальшь* многократно повторяются в характеристике матери Вали. О ее неискренности догадывается не только ребенок, чувствующий, что с появлением этой женщины жизнь его изменилась в худшую сторону. Наигранность, фальшивость поведения *высокой женщины* заметны и читателю. Первый визит матери приводит Валу к выводу, что к ним в дом заходила женщина *неприятная и скучная*. Сопоставление родной матери Вали и Настасьи Филипповны явно располагает читателя к последней. Она правдива и искренна с мальчиком, бескорыстно любит его и переживает как огромную надвигающуюся беду возможную разлуку с приемным сыном.

Родная мать не получает в тексте рассказа собственного имени, что лишает ее человеческой индивидуальности. Когда мальчик думает о ней, ему представляется непременно что-то страшное, напоминающее чудовищ *с костлявыми пальцами; И все это злое, страшное принимал образ той женщины, которая приходила за Валей.* Лицо родной матери было *длинное, худое, желтое, как у мертвой головы, и улыбалось хитрою, притворною улыбкой.*

В доме у Настасьи Филипповны эта женщина говорит *сурово, злым шепотом*, резко дергает Валу за руку, не давая попрощаться с приемной матерью. В ее *сухом голосе* звучит ненависть к Настасье Филипповне, с огромной любовью растившей брошенного *высокой женщиной* сына. Мало того, *ей хотелось ногой ударить стоявшую на коленях женщину.* С ожесточением говорит она о людях, давших кров, искренне и безгранично любивших ее сына: *У, бессердечные! Рады отнять последнего ребенка!*, хотя отнимает по сути она, разрушая жизнь благополучной, счастливой семьи.

Противопоставляет в финале рассказа Л. Андреев и два Валиных дома. Старый — уютный и благополучный, *с чудными цветами, таинственным миром сказок, безбрежным и глубоким, как море, и темным окном, в стекла которого ласково царапались ветви деревьев.* И новый, в котором *было грязно и жарко*, где неудобная маленькая кроватка под пологом, из которой мальчик давно уже вырос, где *жалкие картонные игрушки.*

В финале рассказа ребенок оказывается нравственно выше и сильнее, чем взрослая женщина. Испытав глубокое потрясение от разлуки с Настасьей Филипповной и домом, который он считал родным, мальчик переносит чувство жалости на родную мать, совершенно растерявшуюся перед незнакомым ей сыном. Он теперь думает о ней больше, чем подумала она о нем.

Сам Валя не остается неизменным на протяжении повествования. В начале рассказа перед читателем предстает милый ребенок, замирающий от нетерпения при чтении сказки, а в финале — резко повзрослевший человек, способный взять на себя ответственность за другого, причем когда-то его предавшего.

Не по годам взрослым и уже познавшим разные стороны жизни предстает и герой рассказа «Ангелочек» Сашка. Здесь перед читателем разворачивается картина мертвого мира — тусклого, холодного и

злого. В нем невыносимо жить человеку с *непокорной и смелой душой*, которой обладал Сашка. Гимназическая рутина, ругань вечно пьяной матери, постоянно наказывающей сына, жалость к больному отцу — вот из чего состоит Сашкина действительность. Такая жизнь кажется подростку злом, противостоять которому он может только ответным злом. Именно поэтому Сашка *мстил жизни. ...Он бил товарищей, грубил начальству, рвал учебники и целый день лгал то учителям, то матери.*

Выбор языковых средств в речи подростка говорит о Сашкином уме, наблюдательности, житейской мудрости, развитой у него не по годам. Это проявляется в первую очередь в его разговорах с отцом, которого он одновременно любит и жалеет, а потому относится заботливо, но несколько снисходительно.

Отец отдернул руку и темными глазами изучал подробности ангелочка, пока Сашка наставительно не шептал:

— Экая, братец, у тебя привычка скверная за все руками хвататься. Ведь сломать можешь.

Не зная текста рассказа, логично предположить, что перед читателем речь отца, обращенная к сыну, а не наоборот.

Подобные несоответствия и контрасты, традиционные, как нами уже было отмечено, в ранней прозе Л. Андреева, постоянно присутствуют в описании жизни мальчика. Так, он рисует повторяющуюся карикатуру, где *толстая и низенькая женщина была скалкой тонкого, как спичка, мальчика.* Здесь помимо антонимов *толстый* и *тонкий* контраст усиливается сравнением *как спичка*. Еще одна антитеза: отец Сашки все время мерзнет, хотя постоянно сидит на раскаленной лежанке.

Проявляется антитеза и на уровне содержания в экспозиции: здоровый отец мальчика пьет много водки, его боится и ненавидит жена, а когда он заболевает — пить начинает она сама, и теперь уже ее побаивается вечно *жалкий* отец.

По принципу контраста построены также описания Сашкиного дома и залы в доме Свечниковых, куда мальчика пригласили на елку. В комнате, где живет семья главного героя, присутствует лишь *слабый свет*, проникающий через *широкую щель* перегородки или исходящий от маленькой кухонной лампы. Важно, что свет сопровождает жизнь Сашки и его отца, когда же речь идет о матери, то лексических

единиц с реальной или потенциальной семьей «свет» Л. Андреев не употребляет. В доме Свечниковых *ярко освещенная зала и сверкающая елка*. Здесь так много света и блеска, что собравшиеся дети испытывают от этого настоящее потрясение:

Минуту царила тишина глубокого очарования, сразу сменившаяся хором восторженных криков.

Но празднично-сияющий мир дома Свечниковых не кажется читателю столь же прекрасным, как маленьким гостям рождественской елки. Дело в том, что здесь нет искренности, душевности. Елку устроили потому, что так положено делать, а не потому, что хочется принести кому-то радость. Маленькие дети, конечно, не понимают этого и приходят в восторг от происходящего. Сашка с самого начала не участвовал в празднике, так как понимал: сами хозяева дома и их гости видят в нем не человека, равного себе, а неблагодарного мальчика с *дурной кровью*.

Елка, нарядная и сверкающая, только раздражает его, ослепляет *своей красотой и крикливым наглым блеском бесчисленных свечей*. С помощью гиперболы автор подчеркивает контраст между настроением *чистеньких, красивых детей* и Сашки, который отчетливо осознает теперь: несмотря на то что у него есть дом, мать, отец, ему некуда идти и нечего любить. Мальчик словно доходит до какой-то крайней точки, после чего нужно либо с головой окунуться в бездну, либо найти выход, обретя надежду.

Именно это и случается, когда из своего укрытия Сашка замечает воскового ангелочка, небрежно повешенного *в гуще темных ветвей* на плохо освещенной стороне елки. Игрушку никто не видит, кроме Сашки, как никто по-настоящему не замечает и самого мальчика. Игрушечная восковая фигурка противопоставлена большому миру вокруг по признаку «живое» — «неживое»:

Его прозрачные стрекозиные крылышки трепетали от падавшего на них света, и весь он казался живым и готовым улететь.

Ангелочек — это символ того прекрасного, чистого, светлого, чего не хватает окружающему:

Лицо ангелочка не блистало радостью, не туманилось печалью, но лежала на нем печать

иного чувства, не передаваемого словами, не определяемого мыслью и доступного для понимания такому же чувству.

Игрушка представляется Сашке более живой и настоящей, чем присутствующие на празднике люди.

Автор неоднократно показывает связь между ангелочком и мальчиком. В первый раз заметить сходство игрушки и ребенка позволяют размышления о том, почему маленькая восковая фигурка превратилась для Сашки в самый главный фрагмент в его *картине жизни*. Мальчик невольно сравнивает ангелочка со всеми остальными елочными украшениями:

Другие игрушки как будто гордились тем, что они висят, нарядные, красивые, на этой сверкающей елке, а он был грустен и боялся яркого назойливого света, и нарочно скрылся в темной зелени, чтобы никто не видел.

Но таковы же ощущения и желания самого Сашки. Л. Андреев хочет показать, что его герой — это не только озлобленный из-за несправедливости жизни подросток, но еще и страдающая человеческая душа, томящаяся в надежде на встречу с прекрасным. Ангелочек — олицетворение того самого божественно прекрасного, чего лишен реальный мир, — призван напомнить страдающей душе о том, что она живая, что она достойна счастья:

Все добро, сияющее над миром, все глубокое горе и надежду тоскующей о божьей душе вписал в себя ангелочек.

Описывая страдания и старания Сашки в *смертельном бою за ангелочка*, Л. Андреев снова прибегает к многократным противопоставлениям на различных уровнях. Например, прося хозяйку дома отдать ему игрушку, Сашка старался *говорить ласково, но выходило еще более грубо, чем всегда*. Контрастность антонимов *ласково — грубо* усиливается с помощью формы составной сравнительной степени. Ряды контекстных антонимов в предложении:

Обе руки Сашки, которыми он взял ангелочка, казались цепкими и напряженными, как две стальные пружины, но были такими мягкими и осторожными, что ангелочек мог вообразить себя летящим по воздуху —

усилены сравнениями — сравнительным оборотом и придаточным предложением, выражающим сопоставительные отношения.

Выстраивает автор и противопоставления на уровне лексики, художественной детали, сюжетных положений. Желание получить игрушку настолько сильно, что Сашка готов даже изменить себе — встать на колени перед хозяйкой дома. Однако у него не получается выглядеть смиренно просящим, напротив, *стоя на коленях, со сложенными руками, Сашка с ненавистью посмотрел на нее (хозяйку дома. — Н. С.) и грубо требовал: «Дай ангелочка!»*.

Обладание восковым ангелочком дает Сашке ощущение абсолютного счастья:

И перед сиянием его лица словно потухла сама нелепо разукрашенная, нагло горящая елка, — и радостно улыбнулась седая, важная дама, и дрогнул сухим лицом лысый господин, и замерли в живом молчании дети, которых коснулось веяние человеческого счастья. И в этот короткий момент все заметили загадочное сходство между неуклюжим, выросшим из своего платья гимназистом и одухотворенным рукой неведомого художника личиком ангелочка.

Контраст перерастает в сходство, потому что в счастье все становится красивее, одухотвореннее, добрее. Счастье дает человеку внутреннюю и внешнюю красоту. Только счастье в жизни героев Л. Андреева — явление редкое.

Возвращаясь домой, Сашка несет с собой надежду и красоту. Однако пьяная мать не может этого понять, ей ничего не нужно в мире, кроме удовлетворения простых и грубых потребностей. А вот отец, тоже истосковавшийся по прекрасному и живому, понимает сына и его восторг. Ангелочек сразу становится центром их общего мира, слившегося в *одну ровную серую массу, без теней, без света*. Отец и сын, с одной стороны, противопоставлены:

...рядом с глазами *отжившего человека* сверкали глаза *начинающего жить*; истинное лицо человека, который *отжил*, и смелое личико человека, который *еще только начинал жить*, —

а с другой — объединены сходством чувств и ощущений, которые были рождены в их душах появлением маленького ангелочка. Так в сером и тоскливом мире на короткое время поселилось чудесное.

Безусловно, и в других ранних рассказах Л. Андреева («Молодежь», «Алеша-дурачок») можно найти образы детей и размышления писателя о детстве. И везде он приходит к печальному выводу: мир, темный, серый, равнодушный, не позволяет быть счастливым даже ребенку. Виною тому не только сугубо социальные причины. Дело, видимо, в том, что в современном писателю мире счастливое и беззаботно-радостное детство невозможно. Этот мир устроен так, что равнодушные, рутина, серость поглотили в нем почти всю радость и свет, и только иногда луч добра и милосердия разрывает сплошную мглу. Он ярок и прекрасен, но его сил не хватает на то, чтобы разогнать тучи и раскрасить мрак тоскливого бытия разными цветами жизни. Не случайно ведущим приемом ранних рассказов Л. Андреева можно считать антитезу во всех аспектах ее функционирования. Многоуровневые противопоставления позволяют писателю показать огромную пропасть между повседневным бытом человека и тем идеалом правды и красоты настоящей жизни, к которому стоит стремиться. И пусть он недостижим, но каждый настоящий художник, ощущающий происходящее острее и болезненнее, чем обычные люди, не может не говорить о нем, не звать человека хотя бы попытаться сделать шаг навстречу истине. Именно таким и был Л. Андреев, обнаживший многие трагические контрасты мира и мечтавший, чтобы люди все-таки обрели того самого ангелочка, который хотя бы на короткое время озарит душу светом прекрасного.

ЛИТЕРАТУРА

Горький М. Полн. собр. соч. — М., 1973. — Т. 16.